

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ 1831—1832 гг.

Свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности Лермонтова донныя очень скудны. Большая часть ихъ почерпается изъ устныхъ преданій. Они собраны профессоромъ Висковатовымъ (см. «Русск. Мысль» 1881 г., №№ 10, 11, 12, и 1882 г., № 2 и 4), который пополнилъ ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми отъ старожиловъ с. Тархановъ, мѣста первоначальнаго воспитанія поэта, и отъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ Лермонтова и его товарищей; но документовъ письменныхъ, относящихся къ первой порѣ жизни Лермонтова, сохранилось до того мало, что биографу ея приходится основывать свои заключенія почти исключительно на преданіяхъ и даже прибѣгать для пополненія пробѣловъ къ догадкамъ, пользуясь юношескими поэтическими произведеніями Лермонтова. Я разумѣю — деревенскую жизнь его въ дѣтствѣ у бабушки Е. А. Арсеньевой и московскую пору ученія въ ея же домѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ университетѣ.

Въ виду этого каждый документъ, относящійся къ этой порѣ жизни Лермонтова, имѣетъ особенную цѣну. Последующая пора въ этомъ отношеніи счастливѣе: на время по отъѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, приходится восемь писемъ, притомъ богатыхъ подробностями интимной жизни, такъ какъ большинство изъ нихъ обращено къ лицу, съ которымъ поэтъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Къ нимъ должно прибавить и 9-е письмо, приписку въ письмѣ Шеншина при отъѣздѣ изъ Москвы 7-го іюня 1831 года. Несравненно бѣднѣе письмами первая пора жизни Лермонтова, до отъѣзда его въ Петербургъ. Въ числѣ обнародованныхъ донныя — только три письма относятся къ этой порѣ. Они всѣ также обращены къ одному лицу.

Биографы справедливо останавливаютъ свое вниманіе на лицахъ, которыя такъ или иначе участвовали въ воспитаніи поэтовъ въ вѣжную пору ихъ отрочества и юности, раздѣляя съ ними интересы художественные въ тѣ годы ихъ жизни, когда слагаются ихъ вкусы. Упомянутыя выше три письма юнаго Лермонтова указываютъ такое лицо въ теткѣ его. Въ каждомъ изъ этихъ писемъ Лермонтовъ дѣлится съ нею именно этими интересами. Письма не имѣютъ датъ, но несомнѣнно, что первое изъ нихъ относится къ тому времени, когда Лермонтовъ, по приѣздѣ въ Москву, еще готовился къ поступленію въ пансіонъ (1827 или 1828 г.). Здѣсь 13-ти или 14-ти лѣтній Лермонтовъ, давъ отчетъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, сообщаетъ, что былъ въ театрѣ на представленіи оперы «Невидимки» и вспоминаетъ при этомъ, что уже видѣлъ ее восемь лѣтъ назадъ въ одинъ изъ приѣздовъ въ Москву. Изъ этого заключаемъ, что первое театральное впечатлѣніе, сохранившееся въ памяти поэта, относится приблизительно къ 5-лѣтнему возрасту. Здѣсь же упоминаетъ онъ о кукольномъ театрѣ въ домѣ бабушки и проситъ тетку прислать ему для восковыхъ куколъ забытые имъ въ деревнѣ «воски». Второе письмо относится уже ко времени ученія его въ пансіонѣ, послѣ декабрьскихъ экзаменовъ 1828 или 1829 г.: здѣсь Лермонтовъ, между прочимъ, сообщаетъ объ успѣхахъ своихъ въ рисованіи, о своихъ литературныхъ опытахъ и надѣется на напечатаніе одного изъ нихъ въ новомъ выпускѣ «Каліопы», который тогда намѣревался издать инспекторъ пансіона для помѣщенія въ немъ сочиненій воспитанниковъ. Этотъ ранній опытъ Лермонтова не дошелъ до насъ, но въ письмѣ сообщается его заглавіе: «Геркулесъ и Прометей». Лермонтовъ пишетъ о немъ своей теткѣ, какъ о чемъ-то ей уже ранѣе извѣстномъ. При томъ же письмѣ 14-ти или 15-лѣтній Лермонтовъ предлагаетъ и свое стихотвореніе «Поэтъ», въ которомъ цѣлится изобразить душевное состояніе поэта въ минуту творчества, сравнивая это настроеніе съ вдохновеніемъ Рафаэля въ моментъ созданія Мадонны. Автографы этихъ обоихъ писемъ находятся въ имп. публ. бібліотекѣ. Третье письмо, сообщенное въ «Русскую Старину» 1886 г. (кн. V, стр. 442) Н. Буковскимъ изъ собранія автографовъ В. Хохрякова, снова проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на художественные интересы, которые захватили 15-лѣтняго поэта во время пребыванія его въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (1829 г.). Будучи, какъ извѣстно, полупансіонеромъ этого учебнаго заведенія, Лермонтовъ имѣлъ случай посѣщать театръ, и въ упомянутомъ письмѣ къ теткѣ своей вступаетъ за московскихъ актеровъ, которымъ она повидимому предпочитала петербургскихъ. Извѣстная мелодрама «Жизнь вгробка» и «Разбойники» Шиллера, въ исполненіи Мочалова, прона-

вели на юнаго Лермонтова сильное впечатлѣніе, и онъ спѣшитъ подѣлиться имъ, подкрѣпляя свое мнѣніе свидѣтельствомъ лицъ, видѣвшихъ въ этихъ пѣсахъ Каратыгина.

Случай доставилъ въ мои руки 4-е письмо, которое знакомитъ насъ еще болѣе съ тою же стороною жизни поэта, которая открывается въ упомянутыхъ выше письмахъ. Не лишено значенія, что и это письмо обращено къ той же теткѣ. Обстоятельство это даетъ возможность видѣть въ ней повѣренную художественныхъ впечатлѣній юнаго поэта.

Г. Висковатовъ въ своихъ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, опредѣляя личность тетни, къ которой обращены первыя три письма, колеблется между двумя лицами: Марьей Акимовной Шанъ-Гирей и Е. А. Хастатовой. П. А. Ефремовъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Лермонтова (1887 г.) справедливо рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу г-жи Шанъ-Гирей.

Сообщаемое ниже 4-е письмо любезно предоставлено мнѣ дочерью Марьи Акимовны, Екатериной Павловной Веселовской, какъ письмо, адресованное къ ея матери. Марья Акимовна Шанъ-Гирей, рожденная Хастатова, была дочь Екатерины Алексѣевны, родной сестры Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, бабушки Лермонтова, воспитывавшей его. Что письма писаны именно къ этой теткѣ, вполне согласуется и со всѣми данными, заключающимися въ упомянутыхъ письмахъ: въ первомъ посылается поцѣлуй и благодарность за подвязку «Катюшѣ» (дочери Марьи Акимовны); изъ PS втораго письма явствуетъ, что оно писано въ Апалиху — а такъ называлось имѣніе, которое было дано ей въ приданое при замужествѣ¹⁾; въ третьемъ письмѣ посылается поклонъ Аннѣ Акимовнѣ, сестрѣ Марьи Акимовны, и поцѣлуи «двумъ Катюшамъ», изъ которыхъ одна, упоминаемая въ первомъ письмѣ, дочь Марьи Акимовны, а другая (равно, какъ тамъ же упомянутая Маша) — дочь сестры ея, Анны Акимовны Петровой, въ то время гостившей съ дѣтьми въ Апалихѣ.

Обращаясь къ содержанію сообщаемого ниже письма, которое относится уже ко времени пребыванія Лермонтова въ московскомъ университетѣ, слѣдовательно, къ 1831 или первой половинѣ 1832 г.

Біографами Лермонтова неоднократно назывались тѣ иностраные поэты, которыхъ читалъ онъ еще въ юношескую пору жизни, благодаря знанію новыхъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и англійскаго: Ла-Гарпъ, Шатобрианъ, Ламартинъ, Руссо, Лессингъ,

¹⁾ См. «М. Ю. Лермонтовъ» П. А. Висковатова, гл. I (Р. М. 1881 г., № 10), стр. 14.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1889 г., ТОМЪ LII, ЛЯВАЧЪ.

Шиллеръ, Гёте, Байронъ. При этомъ справедливо указывалась въ первую пору особенная симпатія, которую вызывалъ въ душѣ Лермонтова Шиллеръ, что подтверждается и его юношескими опытами. Въ сообщаемомъ нынѣ письмѣ мы имѣемъ свидѣтельство о раннемъ знакомствѣ его и съ Шекспиромъ.

Письмо это—отвѣтъ, вызванный нападками на Шекспира со стороны Марьи Акимовны. Это живой голосъ того непосредственнаго ребяческаго чувства, которое въ драмѣ умѣетъ цѣнить только сильное выраженіе душевныхъ движеній дѣйствующихъ лицъ. Студентъ не отдаетъ себѣ еще отчета въ ихъ характерѣ и взаимномъ отношеніи: онъ не отличаетъ въ Шекспировомъ «Гамлетѣ» Розенкранца и Гильденштерна отъ Полонія; самъ Гамлетъ въ его передачѣ называетъ себя человекомъ, «одареннымъ сильною волею». Очевидно, поэтическое произведеніе не оставило въ его памяти ясныхъ образовъ; въ нее запали лишь отдѣльные моменты сцены, какъ лирическое выраженіе сильныхъ аффектовъ. Полузабытая непонятая трагедія сохранилась въ душѣ юнаго поклонника Шиллера лишь настолько, насколько отвѣчала его субъективному господствующему настроенію: въ письмѣ своемъ онъ оставался въ особенности на сценѣ съ матерью и на сарказмахъ Гамлета; именно эти сарказмы пытается онъ воспроизвести, какъ подтвержденіе истинной, «проникающей въ сердце поэзіи».

Но при всей наивности заступничества за Шекспира, которое составляетъ предметъ этого письма, нельзя не цѣнить, что въ немъ не повторяются только чьи-либо чужія слова, но передается собственное впечатлѣніе, и выражается оно искренно и горячо; самое искаженіе передаваемого (напр. сцены съ матерью) не лишено нѣкоторой доли творчества, своеобразно восполняющаго позабытыя представленія. Не мало важно и самое обращеніе Лермонтова къ «Гамлету» въ то время, когда еще на нашей сценѣ не давалось его перевода впервые поставленнаго Мочаловымъ въ бенефисъ 1836 года. Знаменателенъ этотъ голосъ противъ французскихъ передѣлокъ, которыя долготѣ предпочитались подлиннымъ пьесамъ Шекспира. Припомнимъ, что съ этимъ предразсудкомъ долженъ былъ считаться Пушкинъ, который едва рѣшился въ 1831 г. обнародовать своего «Вориса Годунова», долженствовавшаго нанести ударъ французской драматической системѣ. Большинство публики, даже знакомой съ трагедіями Шекспира, было того мнѣнія, что онѣ негодны для новаго времени и требуютъ очистки. Въ кругу московскихъ студентовъ такое мнѣніе уже не раздѣлялось. Тамъ могъ Лермонтовъ научиться уваженію къ произведеніямъ творчества. Недаромъ онъ влагаетъ въ уста московскихъ студентовъ, выведенныхъ имъ въ IV сценѣ «Страннаго чело-

вѣка ¹⁾», одной изъ юношескихъ драмъ своихъ московской поры, насмѣшку надъ тѣмъ, что на театрѣ исполняются «общипавные» Разбойники Шиллера ²⁾).

Извѣстно, что къ московской порѣ относятся собственные драматическіе наброски Лермонтова и четыре полныхъ его драмы. Письмо, относящееся къ тому же времени и заключающее юношескую оцѣнку трагедіи, представляетъ поэтому особый интересъ.

Письмо любопытно и какъ образчикъ того, какъ юный Лермонтовъ читалъ поэтовъ и насколько онъ, будучи 17-лѣтнимъ студентомъ, былъ въ состояніи давать отчетъ въ увлекавшихъ его поэтическихъ произведеніяхъ. Біографы Лермонтова, имѣя слишкомъ мало данныхъ объ образованіи, полученномъ имъ въ Москвѣ, почти одни имена учителей его ³⁾, склонны представлять обученіе его серьезнымъ и основательнымъ. Помимо практическаго знакомства съ новыми языками, которое вполнѣ подтверждается французскими письмами самого Лермонтова юнкерской поры его жизни и обильнымъ чтеніемъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ въ подлинникахъ, біографы сообщаютъ объ особенныхъ успѣхахъ Лермонтова въ русской словесности. О нихъ передавалъ руководившій его ученіемъ Зиновьевъ. Приводится и фактическое подтвержденіе этихъ словъ, что въ пансіонѣ Лермонтовъ получилъ первый призъ на публичномъ экзаменѣ за сочиненіе. Сообщаемое ниже письмо можетъ послужить къ выясненію степени участія учебныхъ занятій въ успѣхахъ юношескаго пера Лермонтова, и насколько было основательно полученное Лермонтовымъ школьное обученіе.

Случая это письмо съ тетрадями Лермонтова, гдѣ онъ писалъ свои юношескіе опыты, встрѣчаешься съ тѣмъ обыкновеннымъ явленіемъ, что поэтическій даръ у гениальныхъ поэтовъ находитъ въ минуты творчества изящное выраженіе независимо отъ ихъ ученія языку. Поразительнымъ подтвержденіемъ этого явленія можетъ служить тотъ фактъ, что сообщаемое письмо писано одновременно съ однимъ изъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Лермонтова — «Ангеломъ». А потому нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ натяжкамъ, чтобы объяснять ранніе успѣхи его поэтическаго пера серьезнымъ ученіемъ. Нельзя также придавать призу за экзаменаціонное сочиненіе въ

¹⁾ Въ передѣлкѣ этой піесы, напечатанной въ „Юношескихъ драмахъ М. Ю. Лермонтова“, Спб., 1880, стр. 219.

²⁾ Мсчаловъ исполнялъ роль Карла Мора въ Сандуновской передѣлкѣ Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“.

³⁾ Въ числѣ ихъ упоминается и проф. Мерзляковъ.

благородномъ пансіонѣ значенія свидѣтельства объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ. Призъ могъ быть данъ за поэтическій опытъ, что по традиціи особенно цѣнилось учителями этого пансіона. Не должно забывать и того обстоятельства, что исправленіе учителями приготавливаемыхъ къ публичнымъ торжествамъ ученическихъ работъ было всегдашнимъ обычаемъ старыхъ школъ. Письмо же Лермонтова вводитъ насъ въ ту закулисную правду, которая необходима при опредѣленіи дѣйствительныхъ результатовъ ученія поэта, и имѣетъ значеніе уже не только для біографіи Лермонтова, но и для правдиваго представленія той степени умственнаго развитія, литературной подготовки и грамотности, какою обладалъ одинъ изъ даровитѣйшихъ московскихъ студентовъ начала 1830-хъ годовъ.

Каждому ясно, что письмо писано юношей, не получившимъ почти никакой школьной подготовки въ отечественномъ языкѣ. Сличая это письмо съ французскими письмами Лермонтова, писанными лишь на годъ или на два поздѣе, наглядно убѣждаешься, что и онъ, наряду съ другими нашими поэтами первой половины нынѣшняго вѣка, былъ лишень и въ семьѣ и въ школѣ надлежащаго руководства въ ученіи родному языку, и что талантъ его въ выработкѣ языка и въ пониманіи читаемыхъ поэтовъ былъ предоставленъ почти всецѣло самому себѣ.

Привожу текстъ письма съ точнымъ сохраненіемъ правописанія. По моему мнѣнію, такое буквальное сохраненіе текста положительно необходимо при воспроизведеніи рукописей учебной поры каждого писателя. Нельзя не пожалѣть, что этотъ обычай не принятъ у насъ. Въ данномъ случаѣ, на примѣръ, онъ какъ нельзя лучше поможетъ оцѣнить, насколько Лермонтовъ поработалъ надъ собою, усвоивъ въ послѣдующую пору жизни и правильность прозаическаго языка, и правописаніе, какъ то свидѣлствуютъ его позднѣйшіе, также черновые, автографы.

Левъ Ив. Поливановъ.